

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.13>

UDC 343.101

LBC 67.73

Submitted: 30.08.2025

Accepted: 10.11.2025

PATHOLOGIES OF THE RUSSIAN CRIME REPORTING MECHANISM

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: with this paper, the author continues the cycle of publications dealing with the identification and study of doctrinal problems, legislative contradictions and applied difficulties caused by the peculiarities of the original system of pre-trial criminal proceedings that developed in the Soviet period, involving the granting of jurisdictional legal personality to representatives of non-judicial law enforcement agencies. The analysis addresses the statutory shortcomings and the resulting practical deficiencies, inherent in the current mechanism of reviewing crime reports, which is implemented through the stage of initiating a criminal case. The **purpose** of the paper is to resolve the issue of the need to reform the existing mechanism for reviewing crime reports. **Methods:** in preparing the paper, the general scientific research methods were used: the dialectical method of cognition, the method of system analysis, the formal logical methods, etc., as well as the special research methods: the formal legal method, the historical legal method, the method of comparative jurisprudence, etc. The **results** of the study have made it possible to verify the unacceptability of eliminating the pathologies of the Russian mechanism for reviewing crime reports solely by eliminating the stage of initiating a criminal case as a procedurally separate stage of criminal proceedings. **Conclusions:** 1) a fundamental change in the mechanism for reviewing crime reports outside of systemic unity with other transformations of the Russian criminal process in general, and the preliminary investigation in particular, is absolutely unacceptable; 2) the existing procedure for initiating pretrial proceedings, despite all attempts at modernization, has long failed to meet the profoundly changed conditions of the development of Russian society and inextricably linked needs of law enforcement practice.

Keywords: initiation of a criminal case, pretrial proceedings, initiation of a preliminary investigation, powers of the inquirer, powers of the investigator, verification of the crime report, consideration of the crime report.

Citation. Rossinsky S.B. Pathologies of the Russian Crime Reporting Mechanism. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 113-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.13>

УДК 343.101

ББК 67.73

Дата поступления статьи: 30.08.2025

Дата принятия статьи: 10.11.2025

ПАТОЛОГИИ РОССИЙСКОГО МЕХАНИЗМА РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация

Введение: настоящей статьей автор продолжает цикл публикаций, посвященных выявлению и исследованию доктринальных проблем, законодательных противоречий и прикладных трудностей, обусловленных особенностями сложившейся в советский период самобытной системы досудебного производства по уголовному делу, предполагающей наделение юрисдикционной правосубъектностью представителей внесудебных правоохранительных органов. Рассматриваются нормативные шероховатости и вызванные ими практические недостатки, присущие механизму рассмотрения сообщений о преступлениях, в настоящее время подлежащему осуществлению посредством стадии возбуждения уголовного дела. **Цель** статьи сводится к разрешению вопроса о потребности в реформировании существующего механизма рассмотрения сообщений о преступлениях. **Методы:** при подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования: диалектический метод познания, метод системного анализа, формально-логические и др., а также специальные методы исследования: формально-юридический, историко-правовой, метод сравнительного правоведения и др. **Результаты** проведенного исследования позволили убедиться в неприемлемости устранения пато-

логий российского механизма рассмотрения сообщений о преступлениях исключительно посредством ликвидации стадии возбуждения уголовного дела как процессуально обособленного этапа уголовного судопроизводства. **Выводы:** 1) кардинальное изменение механизма рассмотрения сообщений о преступлениях вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности является абсолютно неприемлемым; 2) существующий порядок начала досудебного производства, несмотря на все попытки модернизации, уже давно перестал соответствовать сильно изменившимся условиям развития российского общества и неразрывно связанным с ними потребностям правоприменительной практики.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, начало предварительного расследования, полномочия дознавателя, полномочия следователя, проверка сообщения о преступлении, рассмотрение сообщения о преступлении.

Цитирование. Россинский С. Б. Патологии российского механизма рассмотрения сообщений о преступлениях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 113–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.13>

Введение

Как известно, рассмотрение сообщения о преступлении – это самая первая, дебютная фаза деятельности органов дознания и предварительного следствия, вызванная потребностью в разрешении поступившего «сигнала» о выходящих за рамки обыденности и предположительно связанных с чьим-либо криминальным поведением обстоятельствах. Причем ввиду предопределенности природными закономерностями познания человечеством фрагментов объективной реальности подобные потребности были и остаются свойственными любым некогда бытовавшим и продолжающим бытовать формам и методам уголовной юстиции начиная с глубокой древности. Соответствующие указания или, по крайней мере, нормативные намеки можно обнаружить в подавляющем большинстве когда-либо существовавших национальных и зарубежных источников «уголовно-судебного», в том числе уголовно-процессуального права.

В современной России такие задачи решаются посредством стадии возбуждения уголовного дела – самостоятельного, процессуально обособленного этапа работы органов дознания и предварительного следствия, состоящего в попытках выявления условий и предпосылок для начала (как бы «открытия») нового уголовного судопроизводства, то есть создания надлежащей правовой ауры для возникновения и развития полноценных уголовно-процессуальных правоотношений. Основная цель этой стадии заключается в разрешении юридической дилеммы о надобности ли-

бо ненадобности осуществления публичного уголовного преследования в отношении установленного либо еще неустановленного лица (вариативно – двух или более лиц). Только в случае «положительного» ответа на данный вопрос и официального объявления о начале реализации соответствующих намерений в постановлении о возбуждении уголовного дела – ввиду выявления признаков преступления – сотрудникам органов дознания и предварительного следствия дозволено использовать весь предусмотренный законом арсенал процессуальных полномочий, требуемых для избличения потенциального обвиняемого (потенциальных обвиняемых) в совершении инкриминируемого деяния (инкриминируемых деяний). Лишь после возбуждения уголовного дела появляются правовые возможности производства основной массы когнитивных приемов, способствующих полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств случившегося, формированию необходимой для обоснования позиции обвинения доказательственной базы; одновременно возникают условия для применения мер пресечения, иных правоограничительных мер, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) правообеспечительных механизмов и пр.

В этой связи нетрудно заметить, что российскому механизму рассмотрения сообщений о преступлениях свойственны некоторые отклонения от «традиционных» способов решения подобных задач, характерных для большинства других стран. Такие отклонения –

своеобразные юридические патологии – приводят к ряду никак не поддающихся преодолению нормативных шероховатостей и практических трудностей. Им и посвящена настоящая статья.

Нормативные шероховатости механизма рассмотрения сообщений о преступлениях

Итак, ввиду прелиминарности стадии возбуждения уголовного дела, ее пребывания как бы в «предпроцессуальном» пространстве (до официального объявления о начале досудебного производства посредством соответствующего постановления) нормативному регулированию механизма рассмотрения сообщений о преступлениях присущи достаточно ощутимые шероховатости, в течение многих лет оказывающие негативное влияние на правоприменительную практику.

Так, с одной стороны, из смысла закона явствует четкий, признаваемый всеми и вполне логичный мораторий на использование подавляющего большинства находящихся в арсенале дознавателей и следователей процессуальных инструментов, в противном случае сама концепция «открытия процесса» посредством процедуры возбуждения уголовного дела просто лишилась бы всякого смысла. В частности, рассматривающим сообщения о преступлениях должностным лицам запрещается проводить допросы, предъявления для опознания, обыски, прочие следственные действия, составлять протоколы задержания подозреваемых, применять иные меры принуждения и т. д. за исключением некоторых прямо предусмотренных в УПК РФ вынужденных «послаблений», выраженных в дозволенности осуществления вообще не терпящих промедления осмотров мест происшествий, предметов, документов, трупов, освидетельствований, назначений судебных экспертиз. Исходя из некогда возникших замыслов законодателя, такие процессуальные препятствия должны способствовать законности правоприменительной практики, усиливать степень защищенности от «полицейского произвола», снижать риски необоснованных ограничений прав личности [5, с. 11–12; 6, с. 19–20].

С другой стороны, существующие запреты приводят к невозможности надлежащего собирания и оформления полезных, прежде всего предрасположенных к потере или изменению сведений, к неспособности получения соответствующих доказательств по горячим следам – в первые часы или сутки после «сигнала» о преступлении, то есть в наиболее благоприятный для выяснения обстоятельств случившегося период. Конечно, следователи и сотрудники органов дознания вправе активно использовать (и используют!) познавательный потенциал допустимых до возбуждения уголовного дела осмотров, освидетельствований, судебных экспертиз – тех самых вынужденных «послаблений». Кстати, большинство указанных дозволений появилось лишь в 2008 и 2013 гг.¹, тогда как ранее разрешалось проводить лишь осмотры мест происшествий. Но подобные возможности весьма лимитированы – они просто не в состоянии обеспечить удовлетворение всех возникающих на стадии возбуждения уголовного дела познавательных потребностей, а результаты их использования не в состоянии заменить результаты других следственных действий, в первую очередь допросов и обысков.

И в этой связи субъектам рассмотрения сообщений о преступлениях приходится обходиться иными «подручными средствами» и способами получения необходимых для их разрешения сведений. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ вполне допустимо прибегать к помощи непроцессуальных когнитивных приемов: получению объяснений, некоему истребованию предметов и документов, назначению ревизий, документальных проверок, прочих внеэкспертных исследований и т. д.; кроме того, допускается письменно обращаться за содействием к персоналу оперативно-разыскных подразделений правоохранительных органов.

Вместе с тем результаты подобных мероприятий ввиду их необремененности надлежащими процессуальными гарантиями доброкачественности вряд ли можно признать абсолютно полноценными средствами доказывания, равными по юридической силе доказательствам, полученным в ходе дознания, предварительного следствия и тем более судебного заседания [7, с. 130]. Даже несмотря

на предпринятую в 2013 г., к слову весьма неудачную, правотворческую попытку придания этим сведениям и материалам большей статусности и официальности за счет предусмотренной ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ вроде бы как возможности их использования в качестве доказательств и одновременное усиление формализации порядка рассмотрения сообщений о преступлениях путем введения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в реальности подобные информационные активы так и не смогли заслужить должного признания у практических работников. Особого доверия к ним не наблюдается ни со стороны сотрудников и руководителей органов предварительного расследования, ни тем более со стороны прокуроров, судей и, разумеется, адвокатов. Кстати, именно этим во многом и объясняется низкая востребованность предусмотренной гл. 32.1 УПК РФ сокращенной формы дознания, изначально основанной на приоритетности использования в качестве средств доказывания сведений и материалов, полученных в ходе рассмотрения и проверки сообщения о преступлении. Другими словами, сфера применения результатов упоминаемых в ч. 1 ст. 144 УПК РФ не процессуальных приемов, как правило, ограничивается лишь стадией возбуждения уголовного дела – их познавательный потенциал преимущественно пригоден только для принятия соответствующих процессуальных решений. Тогда как для потребностей последующей правоприменительной практики, в первую очередь для нужд уголовно-процессуального доказывания, они достаточно часто оказываются бесполезными.

Таким образом, должностные лица органов дознания и предварительного следствия после возбуждения уголовных дел сталкиваются с необходимостью повторного получения ранее полученных сведений, итеративного установления уже установленных обстоятельств, но в уголовно-процессуальной форме: посредством обысков вместо «полицейских» досмотров и оперативных обследований, допросов вместо получения объяснений и т. д. Встречаются даже случаи, связанные с назначением дополнительных или повторных судебных экспертиз, они предопределяются предусмотренными ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ возможностями заявления участниками

со стороны защиты или потерпевшими соответствующих, причем не подлежащих отклонению ходатайств.

Практические недостатки механизма рассмотрения сообщений о преступлениях

И в этой связи дознавательская и следственная практика обременяется множеством дополнительных проблем и недостатков. В частности, увеличиваются объемы уголовных дел, процессуальные сроки; возрастает служебная нагрузка. Кроме того, нередко наблюдается обесценивание процессуальной формы и выхолащивание подлинной роли процессуальных доказательств, то есть не просто полезных сведений, а познавательных ресурсов, накопленных в строго установленном законом порядке с учетом существующих правовых гарантий их доброкачественности, главным образом юридической пригодности для обоснования приговоров, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных актов либо иных ответственных решений. Такие недостатки хорошо заметны на примерах проводимых следователями и дознавателями допросов потерпевших и свидетелей в случаях предварительного получения от них «доследственных» объяснений в отношении тех же самых обстоятельств. Ведь именно добытые по горячим следам объяснения (а не сформированные в дальнейшем показания!) предрасположены к наиболее точному и детальному отражению случившегося, в том числе к доскопальной вербальной реконструкции обстановки места происшествия, внешности и других идентификационных признаков предполагаемого преступника, его конкретных действий (бездействия), поведения присутствующих лиц, иных имеющих значение для уголовного дела подробностей. Тогда как формируемые посредством проводимых по прошествии определенного времени допросов свидетельские показания (показания потерпевших) ввиду понятных психофизиологических причин обычно уже не могут характеризоваться столь высокой точностью и беспробельностью. Поэтому нередко возникают соблазны использования явно недопустимой прикладной технологии, состоя-

шей в фактической подмене полноценного допроса банальным переписыванием в протокол содержания ранее полученных от данного лица «доследственных» объяснений. А в связи с повсеместной компьютеризацией правоприменительной практики и появлением технических возможностей изготовления основной массы процессуальных документов с помощью известных текстовых редакторов подобные соблазны только усилились – реализация таких недобросовестных намерений на сегодняшний день сводится лишь к злоупотреблению примитивным компьютерным алгоритмом *copy* → *paste* (копировать → вставить).

Наибольшие проблемы все же возникают в работе с добытыми до возбуждения уголовного дела, но при этом не предрасположенными к многократному получению сведениями об обнаружении и изъятии имеющих значение для доказывания предметов или документов. Например, найденные и реквизированные в ходе «доследственного» досмотра орудия совершения преступления, похищенные вещи и т. п. не могут быть повторно найдены и реквизированы посредством обыска в жилище подозреваемого, отысканные и изъятые во время фактического задержания лица наркотики, оружие, взрывные устройства, взрывчатые вещества не подлежат повторному отысканию и изъятию в ходе личного обыска, сопровождающего составлению дознавателем или следователем протокола задержания и т. д., если, конечно, не постараться, грубо нарушив закон, возвратить нечто обнаруженное на прежнее место, то есть как бы «запихнуть его назад». В этой связи в правоприменительной практике давно изобретены хорошо известные «обходные пути», вроде бы как позволяющие создать иллюзию соблюдения закона, а фактически предполагающие игнорирование принципиально не подлежащих выполнению (!) предписаний. Они состоят в позиционировании материалов непроцессуальных мероприятий – всевозможных протоколов досмотров, добровольных выдач, актов изъятий, истребований, приемов-передач и тому подобных документов в качестве полноценных средств уголовно-процессуального доказывания, предусмотренных ст. 84 УПК РФ («Иные документы»). Кроме того, в случаях возбуждения уголовных дел о пре-

ступлениях коррупционной направленности нередко встречаются «маскировочные» подмены полноценных обысков осмотрами мест происшествий, осуществляемыми во время задержания взяточдателей (взятополучателей, посредников и т. п.) с поличным.

Механизм рассмотрения сообщений о преступлениях как предмет постоянных споров и обсуждений

Ввиду вышеизложенного неудивительно, что свойственные рассмотрению сообщений о преступлениях столь серьезные нормативные шероховатости и вызываемые ими никак не поддающиеся преодолению практические недостатки – объекты постоянной критики и скептических оценок. Уже не первый год в среде специалистов: парламентариев, общественных деятелей, представителей прокуратуры, органов предварительного расследования, адвокатуры и, конечно, ученых-процессуалистов – обсуждаются вопросы и ведутся достаточно ожесточенные споры и дискуссии о перспективах дальнейшего сохранения стадии возбуждения уголовного дела, по крайней мере в существующем виде. Высказываются самые разные позиции: от ее полного упразднения [3, с. 11–12; 4, с. 58], в том числе по примеру ряда стремящихся к «европеизации» досудебного производства постсоветских государств, до сохранения *status quo* [1, с. 55; 2] и даже реставрации некоторых аннулированных в недавнем прошлом процедурных деталей [8, с. 50–51]. К слову, наиболее ярыми сторонниками ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, конечно, являются представители органов предварительного расследования. Ведь эти перспективы, безусловно, привлекательны избавлением от части обременительных формальностей, сокращением служебной нагрузки, устранением потребностей в преодолении множества практических затруднений, освобождением от гнета прокурорского надзора за законностью и обоснованностью принимаемых по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях решений.

Вместе с тем согласиться с подобными, к слову достаточно тенденциозными, мне-

ниями все же нельзя. Ведь замыслы разработчиков некогда введенной в сферу уголовно-процессуального регулирования стадии возбуждения уголовного дела: члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича и других крупнейших советских специалистов в области уголовной юстиции, по всей вероятности, были далеко не такими беспочвенными, какими могут показаться на первый взгляд. Тем более они вряд ли являлись воплощением правотворческого волюнтаризма, предопределялись стремлениями к созданию бессмысленных помех продуктивности дознавательской и следственной практики. Напротив, эти замыслы, скорее всего, обуславливались намерениями обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы советского досудебного производства по уголовному делу, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью, обычно свойственной исключительно судам или специальным судебно-следственным чиновникам. Поэтому можно с уверенностью допустить, что в случае желаемой многими специалистами ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вновь проявятся несколько подзабытые, но никоим образом не изжитые, а лишь отодвинутые на задний план «слабые звенья» советской системы досудебного производства. По крайней мере, никаких альтернативных способов их нивелирования на сегодняшний день не предлагается! А ввиду либерализации правопорядка, усиления криминогенности общества и прочих присущих современной России факторов подобные «слабые звенья» предрасположены к более опасным по сравнению с советским периодом формам и воплощениям — вполне предсказуемы серьезные проблемы, которые уже наблюдаются в отмахнувшихся от механизмов возбуждения уголовного дела постсоветских государствах. И прежде всего актуализируются вопросы внесудебного формирования полноценных, изначально пригодных к использованию для обоснования приговоров (иных правоприменительных актов) средств доказывания. Причем в силу предопределенных ч. 2 ст. 50 Конституции РФ повышенных требований к допустимости доказа-

тельств эти проблемы станут гораздо более заметными. Кроме того, лишившись права на отказ в возбуждении уголовного дела, органы предварительного расследования столкнутся с потребностью в безусловном принятии к производству огромного, превышающего разумные пределы количества как бы уже «возбужденных» материалов о преступлениях, намного превосходящего советские «цифры», и т. д.

Заключение

Таким образом, кардинальное изменение механизма рассмотрения сообщений о преступлениях, выраженное в ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности является абсолютно неприемлемым. Тем более оно невозможно без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затеваемых реформ.

Нужны ли в настоящее время подобные преобразования? Думается, что да! Ведь существующий, то есть «советский» порядок начала досудебного производства, несмотря на все попытки модернизации, и в самом деле уже давно перестал соответствовать сильно изменившимся условиям развития российского общества и неразрывно связанным с ними потребностям правоприменительной практики. К тому же у автора настоящей статьи есть четкие представления о характере и содержании правотворческих шагов, требуемых для преодоления нормативных шероховатостей и практических недостатков, присущих предусмотренному действующим законом механизму рассмотрения сообщений о преступлениях. Эти идеи планируются к рассмотрению в очередных публикациях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст. 5724; Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Там же. 2013. № 9. Ст. 875.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков, В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В. М. Быков // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 53–67.
2. Волеводз, А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А. Г. Волеводз // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 80–83.
3. Гаврилов, Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б. Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7–14.
4. Кругликов, А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? / А. П. Кругликов // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 56–59.
5. Ляхов, Ю. А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела / Ю. А. Ляхов. – М.: Приор-Издат, 2005. – 72 с.
6. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И. С. Дикарев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 408 с.
7. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г. П. Химичева. – М.: Экзамен, 2003. – 352 с.
8. Шадрин, В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела / В. С. Шадрин // Законность. – 2015. – № 1. – С. 47–51.

REFERENCES

1. Bykov V.M. Problemy stadii vzbuzhdeniya ugodovnogogo dela [Problems of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 7, pp. 53-67.

2. Volevodz A.G. Uprazhdenie stadii vzbuzhdeniya ugodovnogogo dela: cena voprosa [Abolition of the Stage of Initiation of a Criminal Case: The Price of the Issue]. *Ugodovnyy protsess* [Criminal Procedure], 2014, no. 1, pp. 80-83.

3. Gavrilov B.Ya. XX let rossiyskomu ugodovno processualnomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimeritelya [20th Anniversary of the Russian Criminal Procedure Law: Does It Correspond to Scientific Views and the Requirements of Law Enforcement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2021, no. 6, pp. 7-14.

4. Kruglikov A.P. Nuzhna li stadiya vzbuzhdeniya ugodovnogogo dela v sovre-mennom ugodovnom processe Rossii? [Is the Stage of Initiation of a Criminal Case Necessary in Modern Criminal Proceedings in Russia?]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2011, no. 6, pp. 56-59.

5. Lyakhov Yu.A. *Pravovoe regulirovanie stadii vzbuzhdeniya ugodovnogogo dela* [Legal Regulation of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. Moscow, Prior-Izdat, 2005. 72 p.

6. Dikarev I.S., ed. *Sushchnost i aktualnye problemy stadii vzbuzhdeniya ugodovnogogo dela* [The Nature and Current Problems of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. Moscow, Yurлитinform, 2012. 408 p.

7. Khimicheva G.P. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugodovnym delam: koncepciya sovershenstvovaniya ugodovno-processualnoj deyatel'nosti* [Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: The Concept of Improving Criminal Procedural Activity]. Moscow, Examen Publ., 2003. 352 p.

8. Shadrin V.S. Sudba stadii vzbuzhdeniya ugodovnogogo dela [The Fate of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. *Zakonnost* [Legality], 2015, no. 1, pp. 47-51.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>